

Лена Ребе Шавуот

Пойте Богу нашему, пойте;
Пойте Царю нашему, пойте;
Ибо Бог — царь всей земли;
Пойте всё разумно.

Псалом 46, стих 7

Глава 1. Вступительные аккорды

Как там у нас было? «Я увидела, что же дальше, и между Рош ха-Шана и Йом Кипуром дописала книгу до конца». Дописать-то я её дописала, но в каком она была виде — одному Богу ведомо. Да ещё моим немногочисленным читателям — Еве с Тором и Хаму. То, что стояло за текстом, они увидели и оценили, но сам текст, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Мой немецкий и сейчас-то не очень, а уж тогда... Нужно было срочно найти переводчика, который привел бы текст в удобоваримую форму.

Мне лично задача казалась неразрешимой.

Проблем было две. Во-первых, искомый переводчик должен был в совершенстве знать два языка — русский и немецкий, чтобы я могла детально объяснить ему, что имелось в виду. А во-вторых, он должен был быть хорошим человеком. Сформулировать в точности, что это означает, я не могла, поэтому оценивать собиралась по внутреннему ощущению. Только вот оценивать было некого. Пара знакомых мне переводчиков занималась исключительно переводом русских документов на немецкий язык, в крайнем случае — переводом технических текстов. Что же касается второго пункта, который на самом деле был первым, то тут дело обстояло ещё хуже.

Спас меня Саша. Он заявил, что проблемы вообще никакой нет и дал мне телефон Дии, которая тоже переводила ему какие-то документы. Жила она, правда, в Вене и Саша её никогда не видел, только по телефону разговаривал. «Она-то тебе и нужна», — заявил он твёрдо.

Я позвонила. Услышав её голос, я поняла, что Саша был прав — никак иначе описать своё тогдашнее ощущение я не могу — и рассказала ей, в чём дело. Она посоветовала на большую загруженность работой — какой-то срочный заказ, но попросила прислать небольшой кусок текста на пробу. Просто, чтобы знать, о чём речь.

Я послала первую главу.

Прочтя её, Диа решила, что время она как-нибудь найдёт и с книгой работать будет. Поскольку жили мы в разных городах, то объяснять ей, что именно я хотела сказать, следовало письменно. Т. е. нужен был русский текст и его пришлось писать. Диа узнала в каком-то издательстве о расценках на такую работу, и мы договорились о цене. Забегая вперёд, скажу, что когда книга была полностью готова, деньги с меня брать она отказалась...

Необычайно выразительные глаза, очень стильно остриженные густые черные волосы и точёная фигурка; любовь к литературе и живописи, к лошадям и театру, к изысканным нарядам и балам — у Дии было всё это и гораздо больше. Она явилась для меня живым олицетворением далёкой, дивной, мною никогда не виданной Вены начала двадцатого века; той самой, в которой

— элегантно одетые дамы заполняли залы Венского психиатрического общества, чтобы послушать лекции входящего в моду Фрейда, а Шницлер отважно бился за постановку своего скандально прославившегося «Хоровода» и не знал ещё, что битва эта будет продолжаться восемьдесят лет и что лично ему до победного конца дожить не придётся;

— Климт, потрясенный красотой Женщины с большой буквы, превратил её в живописный символ

своего времени, а Шиле основал свою «Группу нового искусства», утверждая, впрочем, что никакого нового искусства не существует, поскольку искусство — оно одно, вечное;

— в знаменитых венских кафе выпивались неслыханные доселе количества кофе и лёгкого вина; освещенные мягким опаловым светом ламп Тиффани лица женщин отражались в кривоватых, украшенных цветочным орнаментом зеркалах входящего в моду югенд-стиля, а неудобные на вид кресла повторяли своими изысканными изгибами линии женских бёдер. Мужчины потрясённо взирали. Женщины болтали, добавляя постепенно к стандартной немецкой формуле трёх К (Küche, Kinder, Kirche) свою собственную, четвёртую — Klatschen;

— «Secession» гневно протестовал против всех существовавших доселе архитектурных стилей, вместе взятых и воплотил себя в камне в своём новом югенд-стиле, а острые на язык венцы немедленно обозвали украшенный золотыми листьями купол здания капустной головой;

— шаловливый югенд-стиль, как бы предвидя кратковременность своего существования, стремился украсить имперскую грудь столицы на свой манер, а надменная красотка Вена с любопытством разглядывала свои новые украшения — вокзалы, церкви, почты, виллы, кафе — и

милостиво их принимала.

А ещё кругом звучала музыка. И юный кавалер с серебряной розой бесстрашно мчался навстречу своей новой любви, и бурлила венская кровь, и подмигивала весёлая вдова, и Штраус отбивал такт. И кружились, кружились на балу пары под звуки новых, только что написанных вальсов...

Правила тем венским балом женщина — не та, упаси Боже, суфражистка в синих чулках, боровшаяся за женское равноправие, а Прекрасная Дама, к ногам которой припадали восторженные почитатели...

Вот с ней-то и начали мы работу над книгой.

Работа происходила так. Я писала русский текст очередной главы и вместе с немецким отсылала его Дии электронной почтой. Пока она переводила мои каракули на литературный немецкий язык, я писала по-русски следующую главу. Срочный заказ внезапно отменился, и теперь у неё было время, так что работали мы со скоростью две главы в неделю. Это была огромная скорость, так как вопросов было много. В книге были стихи и мне хотелось, чтобы немецкий перевод тоже был стихотворным. Ещё было одно место, звучавшее по-русски грубовато, но очень смешно — то самое, читая которое, Саша, по его уверению, от хохота свалился с кровати. Диа

нашла, что по-немецки оно звучит очень уж грубо и предложила его изменить. Сама я не могла оценить, насколько это правильно, и просто с ней согласилась.

А ещё были проблемы с цитатами. В тексте много скрытых цитат из Библии, которые и на немецком должны были оставаться точными цитатами, а не просто переводом. Немецкой Библии ни у меня, ни у атеистки Дии не было. Впрочем, её родители, тоже атеисты, Библию имели и читали — просто из интереса. Они предложили помочь с цитатами.

Вообще говоря, цитаты из Библии — дело тонкое. Библия у меня была, русская, купленная четверть века тому назад в коммунистической России на чёрном рынке за 50 рублей — тех самых, которых инженеру в месяц полагалось 120. Решив, что пришло время купить себе немецкую, я пошла в магазин. И столкнулась с неожиданной проблемой. Оказалось, что Библий — много. И все они разные. Не зная какую купить, я спросила совета у стоявшего рядом мужчины, тоже державшего в руках экземпляр Библии. Так мы и познакомились.

Андреас спросил меня, для чего мне нужна Библия, и посоветовал купить некое единое издание. Сам он преподавал в католической гимназии религию, а ещё музыку. Которую к тому же писал и исполнял как концертирующий пианист.

Жил он в другом городе и виделись мы редко. Но в нужные моменты он всегда оказывался под рукой и помогал немедленно.

Например, когда Петька решил креститься.

Вообще говоря, идея эта у него была не новая и посетила она его впервые в восьмилетнем возрасте. Жили мы тогда в маленьком городке неподалёку от Линца, церковь там, естественно, была, и я пошла к священнику. Крестить Петьку священник отказался. Он говорил, что ребёнок не понимает важности происходящего, что его привлекает чисто внешняя сторона дела — красота обряда, что ему, может быть, придётся вернуться в Россию и что он, католик, будет там делать...

Не скажу, чтобы эта точка зрения была мне понятна. Новорожденные, скорее всего, тоже не осознают важности обряда. Но моим пониманием никто не интересовался, сделать ничего я не могла и только передала ребёнку слова священника. Я замерла, ожидая услышать громогласный рёв в сопровождении рефрена «А с дитяи так вообще не обращаются!», которым он последние пару лет сопровождал любой факт неполучения желаемого. Но Петька не заплакал, а, напротив, притих и как бы задумался.

Думал он семь лет.

После чего в понедельник на страстной неделе он вдруг заявил мне, что хочет креститься в

ближайшее воскресенье и попросил меня всё организовать. Я растерялась. Быстро пролистав свою телефонную книжку, я с изумлением обнаружила, что католик в ней только один — Андреас. Слава Богу, он оказался дома. Все вопросы — с церковью, со священником, с крестными родителями — разрешились при его помощи как-то очень легко, и в ближайшее воскресенье, совпадающее к тому же с Петькиным днём рождения, во время торжественной ночной пасхальной службы моего сына, наконец, крестили. А еще в эту ночь шёл снег. В Линце. В апреле. Очень необычная была эта ночь.

На крещение я подарила ему очень красивую Библию с иллюстрациями Микеланджело. Ещё была в доме его школьная Библия, а потом я как-то прикупила по случаю Библию на английском языке. Теперь Библий в доме было много и я, естественно, начала сравнивать тексты.

Занятие оказалось очень увлекательным, но отчасти обескураживающим. Я сравнивала русские, немецкие и английские слова, стоящие на одинаковых местах во всех изданиях и видела, что означают они не совсем одно и то же. Т. е. общий смысл сохранялся, а вот нюансы были разные. Причём вырастали эти нюансы иногда до необъятных размеров. Мой любимый Экклезиаст — «Книга Проповедника» — называлась по-немецки

почему-то «Kohelet», а «Книга притчей Соломоновых» превратилась в «Buch der Sprichwörter», что соответствовало русскому «Собранию пословиц и поговорок». Ничего себе нюанс!

Установить истину без знания языка оригинала не представлялось возможным, поэтому я просто мысленно заменила слово «цитата» на слово «ссылка» и утешила себя мыслью о том, что кому нужно — найдёт по ссылке место в оригинале и разберётся, что к чему.

А потом оказалось, что ссылки тоже не всегда помогают, поскольку тексты различаются гораздо сильнее, чем я думала. Например, в немецком издании была книга «Тобит», про которую я раньше никогда не слышала и которая отсутствовала в русском тексте. А Псалом, цитата из которого стала эпиграфом ко всей книге, имел номер 138 в русском издании и 139 — в немецком.

Слова моего отца, сказанные им много лет назад про Библию: «Ты посмотри, сколько там противоречий и подумай своей математической головой: ну как можно во всё это верить!» — зазвучали теперь совсем по-новому. Противоречия действительно были. Только вывод из этого факта я делала другой. Не атеистический. По-моему выходило, что люди с этими текстами несколько поднапутали и хорошо было бы внести ясность в

этот вопрос.

Пока же до ясности было ещё далеко, и родители Дии помогали с цитатами. Сама Диа, как уже было сказано, тоже считала себя атеисткой. Интересная она была атеистка. От неё я впервые узнала про замечательный обычай, связанный с празднеством Рождества Христова. Придумали его в Линце, на телестудии ОРФ, в год Петькиного рождения. За прошедшие годы он успел распространиться уже в двадцати пяти европейских странах, а в прошлом году добрался даже до Америки.

Называется этот обычай *Friedenslicht aus Bethlehem* — Свет мира из Вифлеема — и заключается в следующем. Незадолго до Рождества отправляется из Линца или его окрестностей один ребенок в Вифлеем, зажигает там свечу от огня, горящего на месте рождения Христа и возвращается с ней на самолёте назад в Австрию. Для этого пришлось даже специальный фонарь сконструировать — чтобы свеча в самолете не погасла и чтобы фонарь не взорвался.

Потом зажжённый от вифлеемской свечи огонь развозят добрые люди по австрийским градам и весям, и в предрождественский вечер любой желающий может зажечь от него свою свечу во всех филиалах ОРФ, на всех станциях Красного Креста, во многих церквях и на любом вокзале